

УДК 343.1; 343.9

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СФЕРЕ

© 2015 г.

Г.Г. Горшенков,¹ Г.Н. Горшенков²¹Нижегородский институт управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Н. Новгород

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

gen7976@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.04.2015

Рассматриваются вопросы безопасности участника уголовного судопроизводства от преступных посягательств в трёх аспектах отношений безопасности: объективном, деятельностном и результирующем. Анализируются меры обеспечения безопасности применительно к личностной и неличностной подсистемам безопасности. Уделяется внимание малоизученному вопросу виктимологического предупреждения криминальной угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства, особенно – со стороны обвинения.

Ключевые слова: антикриминальная безопасность, аспект безопасности, субъект безопасности, меры безопасности, самозащита, коррупция, виктимологическая теория.

Антикриминальная безопасность буквально означает не что иное, как отсутствие опасности преступного посягательства или *состояние защищённости* личности от криминальной угрозы. Применительно к нашему контексту личность подразумевается как субъект уголовно-процессуальных отношений и как объект нашего исследования, точнее, элемент системы антикриминальной безопасности.

Однако этим, казалось бы, простым определением охватывается довольно сложная система отношений. Эти отношения можно рассматривать в трёх аспектах: а) объективном; б) деятельностном; в) результирующем.

В *объективном аспекте* отражена совокупность отношений личности и «уголовно-процессуальной» среды. Особое внимание в изучении этих отношений должно быть уделено тем из них, в которых усматриваются факторы криминальной угрозы. Можно называть их криминогенными, но точнее – виктимогенными, ибо угроза всегда потенциальна причинением вреда жертве. В данном случае факторами угрозы выступают определённые личностные и неличностные свойства. При этом далеко не всегда такими факторами выступают негативные свойства личности.

Как известно, в криминальной виктимологии индивидуальная виктимность рассматривается в двух основных подвидах: личностная виктимность (нравственно-психологические, культурологические и другие характеристики) и неличностная (социально-ролевые, атрибутивные

и другие характеристики). Например, свидетель, особенно «важный» или «единственный», проходящий по «резонансным делам», как правило, оказывается потенциально виктимным и нуждается в защите. Основными виктимогенными факторами в данном случае выступают, с одной стороны, сведения, которыми свидетель располагает (личностная виктимность), и, во-вторых, его статус участника уголовного судопроизводства (не личностная, а именно социально-ролевая виктимность).

В *деятельностном аспекте* выражены отношения деятельности, т.е. прежде всего реализации мер *защиты*, или обеспечения безопасности, а также и принятия мер *самозащиты*. Особую важность здесь имеют правоотношения, возникающие в процессе реализации Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Данный закон определяет, во-первых, действия самого участника уголовного судопроизводства в соответствии с определёнными в законе его правами и обязанностями (ст. 2); во-вторых, действия органа, призванного обеспечивать государственную защиту (ст. 3) [1].

Так, виктимность участника уголовного судопроизводства может быть исключена или минимизирована благодаря его собственному поведению в случае, если поведение будет соответствовать правовым нормам. А нормы, с одной стороны, определяют права личности в отношении себя, а также своих родственников и

близких в части предусмотренных законом мер безопасности; с другой стороны, предусматривают обязанности – выполнять необходимые для обеспечения безопасности требования, которые определены ч. 2 ст. 23 указанного закона.

В *результатирующем аспекте* отражены отношения, которые должны выражать тот конечный результат, к которому устремлены усилия самой личности, а также субъекта обеспечения безопасности, т.е. предполагаемая цель – состояние безопасности.

Известный специалист в данной области знаний, проф. А.Ю. Епихин даёт общее определение безопасности (имея в виду личность) именно как «*конечное состояние*», которое «*является целью и должно быть результатом защиты*» [2, с. 47]. В свою очередь, защита определяется им как процесс, или «совокупность действий, мероприятий, приёмов, направленных на предотвращение или снижение опасности наступления вреда, достижение *безопасности*» [2, с. 46].

Анализируя с позиции системного подхода деятельность по обеспечению безопасности, А.Ю. Епихин анализирует основные элементы этой социальной системы: *субъекты* (органы), осуществляющие меры безопасности; *объект* осуществления безопасности, под которым понимаются правоотношения, обеспечивающие безопасные условия для участников уголовного процесса, их родственников и близких [2, с. 81]; *метод* как способ обеспечения безопасности в совокупности с соответствующими мерами (безопасности).

Автор распределяет «субъектов безопасности» на три группы: *субъекты*, принимающие решение о применении мер безопасности, *субъекты*, или органы, осуществляющие эти меры, и *субъекты* как защищаемые лица. Такой подход к классификации *субъектов* не вызывает принципиальных возражений, поскольку объектом этих правоотношений является то их общее, «на что направлены субъективные права и юридические обязанности его участников» [3], или то, ради чего возникают эти правоотношения, т.е. в данном случае безопасность личности.

Автор дифференцированно подходит к рассмотрению и характеристике мер, которые мы называем мерами обеспечения безопасности. В монографии выделены «профилактические меры» (автор назвал их «профилактическими мерами противоправного воздействия на защищаемых лиц») и «меры безопасности в уголовном судопроизводстве». Различия здесь действительно можно найти, но с большой долей условности. И в этом трудно винить автора. Например, А.Ю. Епихин полагает возможным отнести к числу профилактических мер

(средств) воздействия на противоправное посягательство следующие, предложенные Э. Бабаевым и Е. Ефимовым, пути и методы предупреждения посягательств на свидетелей и потерпевших с целью изменения показаний: фиксирование всего хода следственного действия, использование звуко- и видеозаписи, изменения фамилии, места жительства и др. [2, с. 247]. Однако если исходить из тех основополагающих критериев дифференцированной оценки мер профилактики и правоохранительной деятельности, то и здесь можно усмотреть смешение этих видов деятельности. К тому же термины «профилактика», «предупреждение» чаще употребляются как синонимы. И в этом случае, как пишет проф. А.И. Долгова, «профилактика» является как бы мостиком между предупреждением преступности и правоохранительной деятельностью, даже бывает ближе к последней [4, с. 435].

Анализ А.Ю. Епихиным мер безопасности, их юридическая оценка и классификация приводят к выводу, что личность как объект безопасности следует рассматривать в аспекте не только внешних источников противоправных воздействий, но и внутренних источников. К последним мы относим определенные свойства личности. Поскольку под противоправным давлением на личность эти свойства продуцируют неоднозначный характер мотивации, то в результате участник судопроизводства может оказаться либо жертвой правонарушения, либо правонарушителем, либо ни тем ни другим, т.е. избежавшим участи нарушителя закона или жертвы правонарушения.

В первом и втором случаях это произойдёт ввиду того, что система защиты его уголовно-процессуальной безопасности окажется неэффективной, сыграют криминогенную и виктимогенную роль внутренние, или личностные, источники угрозы безопасности (например, жалость, сострадание, корысть и пр.). В третьем случае эта система остается эффективной, поскольку характеризуется внутренней, нравственно-правовой устойчивостью, иными словами, отсутствием личностных источников противоправной угрозы.

В связи с этим полагаем целесообразным привести некоторые наблюдения криминолога А.И. Жилиева, изучающего феномен лжесвидетельства и предлагающего ряд мер раннего предупреждения (профилактики) данного вида преступления. Учёный предлагает, в частности: воспитание правдивости как нравственной черты, ответственного отношения к свидетельскому долгу, уважения к праву, формирование пра-

вопослушного гражданина с высокой правовой культурой и т.д. [5, с. 22].

Эти размышления приводят нас к следующему выводу. Помимо мер обеспечения (защиты) безопасности субъекта уголовно-правовых отношений от противоправного воздействия внешнего характера, необходимо иметь в виду и аналогичные меры внутреннего характера (самозащиты), или меры самообеспечения безопасности субъектом уголовно-правовых отношений. Иными словами, речь идёт о *виктимологическом предупреждении*.

Виктимологическое предупреждение обычно отождествляют с виктимологической профилактикой. Так, например, известный российский учёный, разработчик теории криминальной виктимологии проф. Д.В. Ривман рассматривает виктимологическую профилактику как элемент предупредительного воздействия на преступность, более того – он так и пишет: «развитие виктимологического предупреждения (виктимологической профилактики)» [6, с. 241].

Однако в нашем представлении виктимологическое предупреждение не идентично виктимологической профилактике. Профилактика – это наиболее «мягкий метод», который позволяет *избежать* состояния «поражённости виктимностью», т.е. неспособностью избежать преступного посягательства, быть предусмотрительным. Данный метод направлен на укрепление, образно говоря, нравственно-правовой «иммунной системы» личности, которая и защищает личность от виктимогенных или криминогенных воздействий.

Например, лицу, привлекаемому к участию в следственных действиях в соответствии со ст. 164 УПК РФ разъясняются его права, ответственность, в частности предусмотренную статьями 307 (заведомо ложные показания) и 308 (отказ от дачи показаний) УК РФ. Эта уголовно-процессуальная мера является (специально-) профилактической и направлена на обеспечение внутренней готовности участника уголовного судопроизводства уберечь себя от непродуманного поступка, тем более, идущего вразрез с требованиями закона.

Но уголовно-процессуальная сфера потенциально опасна для личности главным образом ввиду внешних источников криминальной угрозы. Особенно это характерно при проведении процессуальных действий по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. В этих случаях речь идёт уже не о профилактике и даже не столько о предупреждении («на дальних подступах») возможных преступных посягательств, сколько о необходимости применения мер безопасности. Такие меры – государствен-

ной защиты предусмотрены упомянутым Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (глава 2).

Кроме того, Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (с изменением на 3 февраля 2014 г. «О государственной защите судей, должностных лиц, правоохранительных и контролирующих органов»), предусматривает особые меры государственной защиты в отношении судей, прокуроров, следователей, дознавателей, оперативных и других работников, осуществление функций которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность.

Таким образом, в системе защиты безопасности личности в уголовно-процессуальной сфере представляется возможным выделить два аспекта ее функционирования: внутренний, или личностный, и внешний, или неличностный. В личностном аспекте важную роль играет сама личность участника уголовного судопроизводства, её нравственно-правовой потенциал, специальная подготовленность для защиты от возможного посягательства на жизнь, здоровье, имущественные права.

Например, проф. Д.В. Ривман, классифицируя общие меры виктимологической профилактики, в итоге сводит их к двум блокам: а) активизация защитных возможностей объекта безопасности, его обучение, воспитание, б) обеспечение безопасности личности «извне», в частности, работниками правоохранительных органов [6, с. 267]. В первом случае имеет место личностная подсистема, защищённость которой в первую очередь зависит от неё самой, естественно, при условии правовых и правоохранительных гарантий. Во втором случае имеет место неличностная, или защитительная, подсистема, обеспечивающая безопасность личности путём осуществления двух взаимосвязанных функций – *охраны*, предполагающей готовность к защите от угрозы, её отражению, и *защиты* как активной формы охраны.

По нашему мнению, личностная подсистема обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве включает в себе наиболее трудноразрешимую проблему. Здесь доминируют внутренние, т.е. личностные факторы, или источники угрозы. Благодаря им, самодетерминируется (самообуславливается) такое поведение личности, которое чревато противоправными последствиями. Одно из таких последствий мы называем криминализированной жертвой. Особенно это характерно для главных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: прокурора, следователя, начальника

следственного отдела, дознавателя, т.е. тех, кто занимает коррупциогенную должность.

Главная трудность в решении проблемы антикриминальной безопасности личности заключается в самой личности, в её самозащите – как «от себя самой», так и от внешних воздействий. И наиболее эффективным средством здесь выступают меры воспитания, формирования высокой правовой культуры, умения избегать соблазна, способности устоять перед соблазном и т.п. Именно неморальная мотивация (соблазн, корысть, конформизм, азартность и т.п.) играет здесь «подрывную» роль для личности. Именно на этих человеческих слабостях наживаются предприимчивые люди, которые сегодня составляют, можно сказать, армию профессиональных провокаторов взяток.

При разработке концепции антикриминальной безопасности личности в уголовном судопроизводстве особую актуальность и остроту представляет проблема коррупции. Применительно к данной сфере необходимо иметь в виду наличие такого феномена, как коррупциогенная должность, т.е. потенциально опасная тем, что лицо, занимая такую должность, становится потенциальной жертвой криминального подкупа.

Инициативный подкуп со стороны корруптера *только вкупе* с искушением как физиологическим феноменом личности приводит к инициативной коррупционной (криминальной) сделке, в результате которой следователь, дознаватель или другой участник уголовного судопроизводства становится одновременно и жертвой, и преступником, т.е. «*криминализованной жертвой*».

Например, в 2014 году было привлечено к уголовной ответственности 630 лиц, обладающих особым правовым статусом, в частности 12 судей, 65 прокуроров, более 200 адвокатов, столько же следователей Министерства внутренних дел России, более 30 следователей Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [7].

Тема самозащиты, или реализации мер самообеспечения безопасности субъектом уголовно-правовых отношений, сегодня привлекает внимание криминологов. Например, В.В. Меркурьев, исследуя в целом комплексную проблему гражданской самозащиты, рассматривает ее применительно к уголовному праву как «систему предусмотренных уголовным законодательством самостоятельных правомерных деяний граждан, направленных на защиту личности, прав, свобод и законных интересов управомоченного лица или других лиц, вынужденно совершаемых в состоянии необходимой обороны,

причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, или крайней необходимости и состоящих в причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам» [8, с. 17].

Как видим, проблема самозащиты определяется ученым через призму ст. 37, 38 и 39 УК РФ.

Но есть и другие аспекты рассматриваемой проблемы, на один из которых мы указываем в настоящей статье и который разрабатывает, в частности, известный в данной области специалист П.А. Кабанов, он пишет: «...В современной российской науке фактически отсутствует целостная стройная виктимологическая теория, позволяющая систематизировать знания о жертвах коррупционного поведения, а также мерах по их виктимологической реабилитации» [9, с. 108–109].

Данный аспект научных исследований и практической деятельности видится нам в качестве одного из приоритетных направлений уголовно-процессуальной политики, или идеологии государственного правоохранительного управления системой уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (с изменениями от 8 марта 2015 г.): URL: http://base.garant.ru/12136633/1/#block_100 (дата обращения 17.03.2015 г.).
2. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 331 с.
3. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. 200 с.
4. Долгова А.И. Предупреждение преступности // Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 435–455.
5. Жилиев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 30 с.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
7. В 2014 году за коррупцию в РФ осудили 630 лиц с особым правовым статусом: URL: http://www.stopcorruption.ru/item_2071.htm (дата обращения 17.03.2015 г.).
8. Меркурьев В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: Дис... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 485 с.
9. Кабанов П.А. Виктимология коррупции: понятие, предмет, структура // Право и практика. Научные труды Института Московской государственной

юридической академии имени О.Е. Кутафина в городе Кирове. S. 435–455.

ANTI-CRIME PERSONAL SECURITY IN THE CRIMINAL PROCEDURE SPHERE

G.G. Gorshenkov, G.N. Gorshenkov

We consider the issues of security of participants in criminal proceedings against criminal offenses in the following three aspects of security relations: object, activity and result. Security measures in relation to personal and non-personal security subsystems are analyzed. Some attention is given to the little-studied issue of victimological prevention of criminal threats against participants in criminal proceedings, in particular, on the part of prosecution.

Keywords: anti-crime security, security aspect, subject of security, security measures, self-defense, corruption, victimological theory.

де Кирове. 2010. № 7. С. 107–111.

References

1. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj zashchite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugovornogo sudoproizvodstv» ot 20 avgusta 2004 g. № 119-FZ (s izmeneniyami ot 8 marta 2015 g.): URL: http://base.garant.ru/12136633/1/#block_100 (data obrashcheniya 17.03.2015 g.).

2. Epihin A.Yu. Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovornom sudoproizvodstve. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2004. 331 s.

3. Babaev V.K., Baranov V.M. Obshchaya teoriya prava: Kratkaya ehnciklopediya. N. Novgorod, 1997. 200 s.

4. Dolgova A.I. Preduprezhdenie prestupnosti // Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. red. A.I. Dolgovej. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2005.

5. Zhilyaev A.I. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie zavedomo lozhnyh pokazanij svidetelej i poterpevshih: Avtoref. dis... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2002. 30 s.

6. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. SPb.: Piter, 2002. 304 s.

7. V 2014 godu za korrupciyu v RF osudili 630 lic s osobym pravovym statusom: URL: http://www.stopcorruption.ru/item_2071.htm (data obrashcheniya 17.03.2015 g.).

8. Merkur'ev V.V. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy ugovorno-pravovogo obespecheniya prava cheloveka na grazhdanskuyu samozashchitu: Dis... d-ra jurid. nauk. Ryazan', 2006. 485 s.

9. Kabanov P.A. Viktimologiya korrupcii: ponyatie, predmet, struktura // Pravo i praktika. Nauchnye trudy Instituta Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii imeni O.E. Kutafina v gorode Kirove. 2010. № 7. S. 107–111.